

Дмитрий Врубель (слева) с сыном Артемом реставрируют знаменитую картину на остатке Берлинской стены

Реставрация поцелуя

Тридцать лет как стены нет, но она по-прежнему прючна, только теперь она символическая — в сознании многих восточных немцев, которые продолжают с ностальгией вспоминать о временах ГДР. Точно так же, как и в современной России, где множество людей хотели бы «вернуться в СССР». Когда-то казалось: людям ничего объяснять не надо — все и так понятно. Однако спустя 30 лет становится ясно: людям необходимо заново, каждый раз заново объяснять цену свободы.

Одним из важнейших «объяснений» такого рода стала работа российского художника Дмитрия Врубеля, известная в Германии как «Братский поцелуй», изображающая целующихся генсека ЦК КПСС Леонида Брежнева и председателя Госсовета ГДР Эриха Хонеккера. В апреле 1990-го Врубель за пять дней написал свою работу на уцелевшем фрагменте Берлинской стены, в 2009 году по просьбе мэрии он отреставрировал ее — как и другую, под названием «Данке, Андрей Сахаров!». Сегодня в беседе с Андреем Архангельским Дмитрий Врубель вспоминает о том, как это было и что изменилось за 30 лет.

— Сегодня ваша картина выглядит очень символично, в ней можно найти множество смыслов: поцелуй партии, обаяния тоталитаризма и так далее. Но в 1990-м, когда вы выбрали именно этот сюжет, какую философию вы вкладывали в эту картину?

— Сразу скажу, что четыре фотографа, три немецких и один французский, до сих пор борются между собой, утверждая, что именно их фотография послужила основой для моей картины. Но для нас, для тех, кто жил тогда в СССР, эти братские поцелуи были рутиной: они принадлежали самой жизни. И когда мне в апреле 1990-го предложили что-то изобразить на Берлинской стене, у меня сразу возникла в голове эта картинка.

Когда я увидел стену впервые, 10 или 15 работ там уже были, 2 запомнились: на одной на фоне флага ФРГ был нарисован моголеновид — это смотрелось очень круто, на второй Горбачев за рулем «Трабанта» с надписью «Горбачев, дай порулить». Все остальное было исполнено любителями, но общий контекст я тоже учитывал. Картина является средством коммуникации — в сущности, у меня была та же задача, которую я решал в Москве. Но там с помощью квартирных выставок я в основном коммуницировал с коллегами, с узким кругом зрителей... В 1987 году на меня пожаловалась соседка: то ли пахло краской, то ли еще чего, и ко мне в квартиру пришли две тетеньки из ЖЭКа — посмотреть, чем я занимаюсь. И вот я гляжу на них и думаю: можно сейчас устроить скандал. А можно, наоборот, показать им мою выставку. И я решил им показать картины. Они ушли потрясенные, никаких мер не приня-

ли. Я вдруг понял, что мои картины — это обращение не только к своим, но ко всем. И когда меня пригласили в Берлин, я уже чувствовал, что это должно быть обращение к немцам. Причем я уже понимал, что есть Восточный Берлин и Западный и это разные люди. И им нужно было сказать что-то, что поняли бы и те и другие. И, конечно, там должен был присутствовать и русский персонаж. — Брежнева в то время семь лет как не было в живых, но это не вызвало вопросов у зрителей. Получается, все, как и вы, понимали, что речь идет не о конкретных персонажах, а о символах?

— Знаете, я лет пять назад ехал в берлинском трамвае и услышал разговор двух молодых людей — мол, надо к Берлинской стене сходить, посмотреть эту картину, где «Горбачев целуется с Колеком... или с Кеннеди». Да, в какой-то степени Брежнев был символом всего советского, но для людей, как выяснилось, не столь важно, кто именно там изображен. Я сегодня редко бываю у стены, но каждый раз, когда там оказываюсь, я смотрю на людей. И понимаю, что для них, конечно, самое главное в картине — этот абсолютно искренний поцелуй, никакой политики. Политической частью является сама Берлинская стена. Это непонятное для современной молодежи сооружение — забор, глухая стена — в любом случае что-то не очень позитивное. И вдруг такой стопроцентный позитив, и вот это, на мой взгляд, срабатывает тут прежде всего. А кто эти люди — уже не так важно... — Как жила ваша работа с 1990 до 2009 года, до реставрации?

Снесенная стена напоминает о себе. Продолжает быть куском быта и частью жизни современного человека

— До того как эту часть стены объявили памятником, в 2009 году, вообще не был ясен ни ее статус, ни статус картины. Возможно, главная функция картины в итоге в том, что она превратилась в место для выражения коллективных эмоций. Конечно, люди оставляли там свои фотографии. В итоге за 20 лет моя работа была списана ими почти полностью на всех языках мира. К 2009 году от работы практически ничего не осталось, была видна только надпись сверху и чуть-чуть волосы Брежнева, поскольку люди туда не дотягивались. Но на фоне этой работы люди

по-прежнему продолжали фотографироваться. Я специально начал реставрацию в тот же день, когда написал ее впервые. И четыре дня никак не мог начать, потому что приходилось давать бесконечные интервью. И вот наконец начал рисовать, и меня, помню, охватило ощущение ужаса — оттого, что я не помню, как ее делать. И что не получится, как тогда. Притом что все люди вокруг — журналисты, берлинцы, европейцы — эту работу помнят. И она стала частью жизни огромного количества людей. Парадокс еще в том, что рисовать за 20 лет я, естественно, стал лучше, но это, как ни странно, тоже мешало! И на пятый-шестой день, когда стало понятно, что что-то получается, вышло пять местных газет, где на первой странице было сказано, что я возвращаю «Братский поцелуй» Берлину. Это я счел добрым знаком. — Почему все же фрагмент Берлинской стены решено было оставить? В назидание потомкам?

— На самом деле все прозаичнее. Это в своем роде особенность немецкой психологии — решительно расставаться с прошлым. Например, почти все, что было связано в Берлине с нацистским режимом, прокато снесли. Та же судьба, вероятно, ожидала и социалистический Берлин, если бы это место не стало мощным магнитом для многих. В начале 1990-х годов Восточный Берлин был самым дешевым местом в мире для жизни: там создавались коммуны, устраивались сквоты, огромное количество хиппи, панков и так далее. И одновременно эти развалины Берлинской стены — такого тоже

нигде в мире не было. И это неожиданно стало местом притяжения для миллионов туристов. В итоге сейчас там четыре или пять музеев Берлинской стены, процветающее туристическое место, причем это же один из центральных районов Берлина. Еще в 1996 году были планы все снести, и до 2009 года решали, сносить или оставить. В итоге нашли €2 млн на реставрацию и пригласили в том числе нас, художников. — Глухая бетонная стена, разделяющая народ, — огромной силы образ. С точки зрения искусства как это работает сегодня?

— Мы с Викторией Тимофеевой занимаемся последние три года VR — это когда надеваешь специальные очки и имеешь возможность как бы путешествовать внутри изображения. Одна из наших работ предлагала зрителям очутиться внутри Берлинской стены образца, скажем, 1985 года. Мы сделали такую опцию, чтобы можно было ходить между бетонными блоками, где ходили только пограничники. Когда я готовил эту ра-

Я вдруг понял, что мои картинки — это часть обращения не только к своим, но и ко всем

боту, я залезал на смотровые вышки в том числе. Это было очень странное ощущение. Стена была высотой 3,5 м. Когда ты ходишь по нейтральной полосе, между стенами, в принципе город ты не видишь. Ощущение буквально «пути в никуда» — все это тянется на километры и километры. Я пытался там пройти — сначала ногами, потом с помощью телепорта, и через какое-то время тебя просто накрывает, потому что все абсолютно одинаково и абсолютно непонятно: а зачем это все? Для пограничника это, допустим, был функционал. А когда обычный человек попадает сюда, это практически чистое искусство — две стены, контрольно-следовая полоса, ежи, колючая проволока. Это ощущение... не то что абсурда — нет, абсурда здесь нет, но... Помните фильм «Воспоминание о будущем» — об инопланетянах? Так вот такое чувство, что эту стену они построили с какими-то своими целями. — В Берлине не меньше впечатлений производит пунктирная линия, которая идет через весь город — на том месте, где раньше стояла стена. Ты представляешь себе, что, скажем, еще 30 лет назад людям часто приходилось жертвовать свободой и жизнью, когда они пытались ее пересечь. А теперь один шаг — и ты уже на другой стороне и вообще не замечаешь этого. Это потрясающий опыт.

— Мы живем в Берлине рядом с другим сохранившимся фрагментом стены. Когда я возил нашего сына Тему в школу, мы ездим по спускающейся в метро на Бернауэрштрассе — а оно в 1960–1980-е было забетонировано, поскольку рядом проходила стена. И я Теме объяснял: вот здесь и была та самая стена. И до того как ты вошел в метро, ты еще в безопас-

ности, а как только заступил за эту линию — считай, тебя убили. И он прыгнул через эту линию — ему было 13 лет — со словами: «Вот так живи, а так убили». Снесенная стена продолжает напоминать о себе. Продолжает быть куском быта и частью жизни современного человека.

— Способна ли она сегодня чему-то людей научить, предостеречь?

— Думаю, что учит она не нас. Нас она ничему не может научить — не

Сейчас у нас прошли выборы в земле Бранденбург и в Саксонии — это территория бывшей ГДР. Второе место заняла в обеих землях «Альтернатива для Германии» — право-популистская партия, которую многие считают постнацистской. Многие говорят, что это связано с тем, что у людей по-прежнему «ГДР в головах». Это правда. Но есть и другая правда. 30 лет прошло после падения стены. Как только ты открываешь карту Германии, например, с головными офисами крупнейших немецких компаний — 90% этих офисов по-прежнему на Западе, Восток пустой. Даже в Берлине — хотя, казалось бы, столица — почти любая крупная немецкая компания представлена только филиалами. Что уж говорить о Котбусе или Франкфурте-на-Одере. То же самое — когда смотришь по количеству специалистов на Востоке и на Западе. Со стороны ФРГ в отношении ГДР в 1990-е велась, скажем так, достаточно колониалистская политика, основанная на том, чтобы высосать лучшие кадры с Востока. И большое количество гэдэровских профессионалов в 1990-е годы уехали работать на запад Германии. Но в итоге обе части Германии после падения стены не развивались равномерно. И в этом перекосе в какой-то степени есть вина и Запада, который действовал сугубо по расчету. Никакой капиталист, понятно, не откажется от использования дешевой рабочей силы. Но это породило у людей ощущение несправедливости, унижения, второстепенности. Поэтому здесь проблема с двух сторон: да, раны, нанесенные социализмом, колоссальны, но, безусловно, использование этой травмы в корыстных целях тоже было... — Полтора миллиона поволжских немцев после 1989 года смогли переехать в Западную Германию. Когда первые самолеты, поезда прибывали из Омска, Казахстана, Киргизии — для людей это было потрясением. В СССР пенсия была 60 руб., а здесь — 200 марок. Бесплатно давали место для жилья, врачебную помощь. Тогда, в 1990-м, для них это было счастьем. Теперь, спустя 30 лет, они такие же немцы, казалось бы. Но есть данные, что у 700 тыс. пенсионеров из бывшего СССР пенсия на 30% меньше, чем у немцев, родившихся на территории Германии. Весь пафос, связанный с обретением свободы, оказался у многих людей погребен под грудой бытовых забот и разочарований, которые накопились за эти последние 30 лет. И с этим так же придется считаться.

— Парадокс: стены в буквальном смысле нет, но зато теперь она в сознании людей и гораздо более прочная. Речь не только о тех, кто ностальгирует по СССР. Но даже в Германии, как мы знаем, несмотря на все знания о природе тоталитаризма, остаются люди, которые хотели бы вернуться в прошлое.